

Когда память начинает болеть

Виктор Астафьев
отвечает
на вопросы «ОГ»

Всем известно, что писатель интервью дает неохотно. Да и не всякий столичный журналист способен доехать до Красноярского края, где живет и работает этот крупнейший современный прозаик. Недавно Астафьев закончил большую повесть «Веселый солдат». Живи писатель в Москве, появление этой повести повлекло бы за собой шумные презентации и предваряющие будущую публикацию в «Новом мире» дискуссии. Но Астафьев остается самим собой и вместо столичной суеты или «санаторного» отдыха вырвался в родные места, где после войны начинал свой писательский путь. В Пермской области: небольшой городок Чусовой, деревню Быковка, а также в Музей истории тоталитаризма и политических репрессий (бывший лагерь «Пермь-36» в д. Кучино).

— Почему вы вошли в состав совета именно этого музея?
— Дело-то святое, все должны помогать, и я — тоже. Все это — лагерную зону, камеры, карцеры — я видел не только в музейной экспозиции, но и в натуре. И в Красноярском крае, и здесь, на Урале, мне не раз доводилось выступать перед зекми. Однако больше всего поразил меня рассказ директора музея о бывшем надзирателе этого лагеря. Когда-то и за что-то его выгнали из гулаговской системы, так вот теперь он жалеет: мол, остался бы — сейчас получал бы пенсию в 1,5 миллиона... Много, очень много таких, которые, как этот надзиратель, жалеют о старых порядках и надеются на их возвращение.

— Вам удалось повидать старых друзей?

— На кладбище. В чусовской земле покоятся наши родственники, лежит наша первая дочка, которая умерла, по существу, с голоду — чувство вины осталось на всю жизнь. У меня есть ощущение, что эта поездка — последняя.

За то время, что я здесь не был (предыдущий раз — в 1992 году), много друзей и знакомых ушло из жизни. Я смерти не боюсь, считаю, что, пожалуй, даже лишнего отхватил. Но горько, когда хочешь поговорить с человеком, а его уже нет на свете. Иногда попадется на глаза старая фотография — холодок по спине: одного нет, другого... И ничего не поделаешь.

— Как продвигаются дела с вашим пятнадцатитомником?
— Только что вышел 8-й том. В нем — «Ода русскому огороду», «Паруня», «Зрячий посох». А в седьмом томе — «Затеся». Сейчас идет работа над 12-м томом — публицистика. В следующий будут включены два киносценария, две пьесы, не публиковавшиеся куски из «Последнего поклона» и «Звездопада». Две последние книжки — письма. Я все комментирую сам. А то очень много врут, отсебятина всякая прет.

Теперь вижу: видимо, мне уже не осилить третью книгу «Прокляты и убиты», которую «Новый мир» все обещает своим читателям. Из ее черновиков родились три повести. Возможно, сложится еще несколько рассказов о войне. Но на этом, наверное, моя работа над романом закончится. Силы не те, фронтные раны сказываются, болячки всякие одолевают. До того дописался, что руки стали трестись, будто я не пером по бумаге чиркал, а молотом в кузнице махал.

— Вы по-прежнему пишете перьевой ручкой?

— Да, по-прежнему макаю перо в пузырек с чернилами. Тут как-то в деревне сидел, задумался — и вдруг затрещавил телефон. Вижу: ручка покатила, всю рукопись испачкала. А отключить телефон не могу, есть какое-то чувство, наитие, заклятье... Нет, телефон отключить не могу.

— Вы — один из советников президента. Чем приходится заниматься?

— Я вхожу в состав совета по культуре. Но это все номинально: я ни разу там не был. Боже упаси и помилуй! Предлагают иногда и поехать куда-нибудь. Не-е-е! В качестве фрейлины — не мое это занятие, не мой фасон.

Я далек от политики, мне она не интересна. Многие годы даже на выборы не ходил. Но когда вижу, что всякая шпана и коммунисты лезут во власть, мечтают все повернуть вспять, тут уже нельзя стоять в стороне. Конечно, в политику втягивают, беспрестанно. Вот только что Лебедь был у меня в деревне. Часа три посидели, картошки поели, за жизнь поговорили... Президент у меня тоже в деревне бывал. Я ему нашу библиотеку показал. У нас же в Овсянке, на берегу Енисея, великолепная библиотека построена моими стараниями. Трудов и хлопот на нее я положил очень много. Теперь в Красноярске только и есть что показывать, как гидростанцию да эту библиотеку. Не скажу, что народ за книгами повалил толпами, что запоем читают Пушкина, Гоголя, Солженицына. Как везде сейчас, пьют в Овсянке, дерутся, случается, убивают по пьяни друг друга. Но ребятишки к книгам тянутся. И это обнадеживает.

— С высоты прожито и написанного какое из ваших произведений — самое любимое?

— Наверное, «Ода русскому огороду» и «Пастух и пастушка».

— А ведь «Пастух и пастушка» написаны в Быковке!

— Там очень хорошо жилось и писалось. Вероятно, все-таки начинает болеть память. Отсюда и эта поездка: хочется посмотреть и ощутить все, что дорого сердцу.

Записала
Людмила КАРГОПОЛЬЦЕВА,
специально для «ОГ»
Пермь